

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АСКЕТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ УПРАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРАВОСЛАВНОЙ МЫСЛИ)

Г.Д. Панков, доктор философских наук, профессор

Харьковская государственная академия культур, г. Харьков,
Украина

1. Процесс управления человеческим сознанием, обуславливающего мотивацию всевозможных поведенческих актов, а также определенного рода деятельности и отношений, предусматривает активное подключение самых разнообразных духовных механизмов. В религиозных традициях, включая христианство, особое место занимает аскетика, которую следует рассматривать не только специфической духовной практикой, но также в качестве механизма социокультурного управления. В послании апостола Павла римлянам аскетическая интенция определяется императивом «жить по духу, но не по плоти» [1, Рим. 8 : 1], а «жизнь по духу» отождествляется с жизнью во Христе [1, Рим. 8 : 9-11]. Таким образом, в христианской аскетике отчетливо прослеживается два вектора: «вектор отречения» (в отношении «суеты мира» и «ценностей плоти»), а также «вектор сосредоточения», предметом которого служит интенция жизни «по Христу». Духовные усилия как самоуправление личностью собственной самостью концентрируются вокруг отречения от суеты мира и сопровождаются интенцией в отношении партиципации со Христом.

Духовные факторы управления сознанием людей широко используются социальными организациями, конструирующими идеологию, посредством которой осуществляется интериоризация индивида в определенную систему с присущими ей ценностями, нормами и идеалами. В данной связи в системе церковной организации православия аскетическое учение служит составной частью доктрины, и многочисленные его идейные положения в более значительной степени внедряются в сознание верующих христиан посредством катехизаторской и проповеднической деятельности.

2. Важное место в христианской доктрине занимает эсхатологическое учение, в системе которого один из ее 64 компонентов составляет танатология, охватывающая вопрос о смерти в соотносительности с конечными перспективами обитания души. Смерть трактуется в двух основных измерениях - телесная смерть (как

разлучение души и тела) и духовная смерть (как разлучение души и Бога). Первая смерть рассматривается общим достоянием человеческого рода, приобретенного по вине «ветхого» Адама, грехопадение которого повредило человеческую природу, сделавшейся смертной. Вторая смерть рассматривается следствием духовного падения отдельного человека, обреченного на ситуацию богооставленности.

В христианской аскетической мысли смерть считается «учительницей жизни». Во-первых, смерть уравнивает людей, то есть образует положение равенства перед лицом физической смерти - и бедного, и богатого, и царя, и простолюдина. Общей судьбой для всех людей, без исключения, является тление, а постелью, согласно выражению Ефрема Сирина, служат моль и червь [6, с. 485]. Из этого вытекает другой существенный урок смерти, поучающей о суетности всего земного. Как подчеркивал Тихон Задонский, смерть наводит на рассуждение о мимолетности обладания мирскими вещами, напоминающее любование картины сна, которое быстро заканчивается с пробуждением: человек «как наг в мир этот вошел, так и наг исходит; не выносит с собой ничего; все мирское миру оставляет» [5, с. 528]. Известный православный мыслитель XIX ст. Игнатий (Брянчанинов) считал полезным возбуждать в сознании воспоминание о смерти посещением кладбища, больных, присутствием при кончине и погребении ближних, частым обновлением в памяти различных видов смерти, чтобы уразуметь краткость земной жизни человека и суетность всех земных ценностей [2, с. 192].

3. Православная танатологическая мысль, утверждая идею уравнивания всех людей перед физической смертью, одновременно дифференцирует картину наступления смерти для праведника и для грешника. Приводимые конкретные примеры смерти праведников призваны подчеркнуть состояние «смертной радости», которые они переживают в противовес «смертному страху» грешников. Апологеты христианской системы ценностей стремятся в значительной степени усилить эффект смерти праведника, увенчивая его венцом славы. «Смерть праведников есть конец борьбы со страстями плоти: по смерти ратоборцы прославляются и приемлют победные венцы... Смерть, избавляя праведника от трудов, от борьбы со страданиями плоти, вводит его в «тихую пристань свободы» и увенчивает наподобие Моисея», - подчеркивал Ефрем Сирин [6, с. 366, 367]. Прославление праведника выглядит наградой за подвиги в духовном труде и в

духовной борьбе с плотскими страстями, или священной санкцией за добродетельную жизнь на земле. Напротив, в случае смерти грешника, за его душой является представитель ада, вонзающий в нее огненный трезубец и несколько часов мучающий душу, или же ее пожирает дракон, всунувший свою пасть в рот умирающему. Описываемые в аскетической литературе видения ангелов, принимающих душу праведника, и дракона, пожирающего душу грешника, составляют специфический язык, который в образной форме выражает культурные санкции, представляющие собой существенные звенья в системе механизма управления.

4. Немаловажным проявлением аскетического отношения к окружающей действительности служит размышление о смысле жизни перед лицом смерти, что настоятельно предписывается подвижниками христианского благочестия. «Как хлеб нужнее для всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деяний», - писал известный подвижник VI-VII вв. Иоанн Лествичник [3, с. 86]. Согласно убеждению аскетов, память о смерти должна послужить побудительным фактором «духовной брони» против соблазнов мира, а также к труду по накоплению духовных добродетелей. «Кто умертвил себя для всего в мире, тот истинно помнит смерть; а кто еще имеет какое-либо пристрастие, тот не может свободно упражняться в помышлении о смерти, будучи сам себе наветник», - наставлял Иоанн Лествичник [3, с. 89]. Игнатий (Брянчанинов) назвал смерть «сожительницей жизни», с которой можно засыпать, беседовать и исследовать, что будет с человеком после разлучения души с телом. Повседневное общение со смертью способно порождать плач, побуждение к воздержанию от мирских страстей, «бесстрастие брони при посредстве обнаружения его бренности» [2, с. 188, 189].

Аскетический императив «помни о смерти, чтобы не грешить» призван устремить человека к ценностному выбору в направлении духовной деятельности. Память о смерти рассматривается в контексте общего процесса приготовления человека к собственной кончине и представляется регулярно совершаемой добродетелью.

В систему подготовки к смерти включается воздержание от страстей и пороков, очищение от них посредством исповеди, а также совершение благодеяний в пользу окружающих людей. Например, Игнатий (Брянчанинов) призывал не терять времени и употребить земную жизнь человека соответственно с отведенным ему Богом назначением «убить убившую нас смерть и возвратить себе утраченный рай» [2, с. 194].

5. Все вышеизложенное позволяет убедиться в том, что

христианская танатическая мифология и танатологическая мысль не сводятся только к описанию и объяснению различных обстоятельств смерти. Важнейшими их функциями служит аксиологическое ориентирование личности в сфере ее социального и культурного окружения, а также регулирование выбора смысложизненных ориентиров в контексте ценностной шкалы христианской культуры. Можно с полным основанием утверждать двухвекторность танатологической обращенности христианства - в эсхатологическую (потустороннюю) и социокультурную (посюстороннюю) сферы. В первом случае смерть выглядит границей перехода в запредельное бытие, дифференцируемого на конечную судьбу праведников и грешников. Во втором случае - с оглядкой на конечную судьбу, смерть представляется немаловажным звеном в системе механизма социального и культурного регулирования.

6. Взгляд на аскетический характер управления не следует сводить только к социологическому его истолкованию с точки зрения внешнего воздействия на человека со стороны церковных институций. Помимо социологического подхода, также необходимо учитывать персоналистический срез в управлении, пробуждающего в индивиде внутренние, духовные механизмы, необходимые для его личностной самореализации. «Человек «развлечения», - подчеркивал Э. Мунье, - живет как бы вне себя, растворяясь во внешней суете. Такой человек - раб своего аппетита, телесных потребностей, привычек, связей... Личная жизнь начинается тогда, когда человек оказывается способным уйти от внешнего окружения, чтобы овладеть собой, взять себя в руки, иными словами, сосредоточиться, собраться» [4, 487]. Приведенные фразы «овладеть собой», «взять себя в руки» указывают на самоконтроль как на существенный фактор самоуправления. В персоналистическом аспекте выдвижение цели самоуправления состоит в духовной трансформации человека в направлении личностного измерения.

Православную танатологию предлагается рассматривать как специфический язык критического осмысления действительности и образа повседневной жизни человека, а также в качестве побудительного фактора к аскетическому отношению к действительности и соответствующему ему образу жизни. В функциональном значении аскетика с ее танатическими составляющими представляет собой специфический механизм культурного регулирования в системе управления духовными и социальными процессами.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Библия. - Б.и. Б.г. - 1000 с.
2. Игнатий (Брянчанинов), епископ Черноморский и Кавказский. Слово о смерти // Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Черноморский и Кавказский. Собр. соч. : в 6 т. -. - Т. 3. - Краматорск, ЗАО «Тираж-51». - 2001. - С. 74-194.
3. Лествица преподобного Иоанна, игумена горы Синайской / Лествица. - 3-е изд. - К.: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2007. - 320 с.
4. Мунье Э. Персонализм / пер. И.С. Вдовиной и В.М. Вдовина // Мунье Э. Манифест персонализма. - М. : Республика, 1999. - С. 459 - 538.
5. Святитель Тихон Задонский. Об истинном христианстве : в 2 кн. - Кн. 2 // Святитель Тихон Задонский. - Соч. : в 5 т. - Т. 4. - М. : Изд. Свт. Игнатия Ставропольского, 2003. - 992 с.
6. Святой Ефрем Сирийский. Творения : в 8 т. - Т. 4. - М. : Изд. Отдел Московского патриархата, 1994. - 533 с.

Екзистенційні та комунікативні питання управління: матеріали Міжнародної науково-теоретичної конференції, м. Суми, 23-25 січня 2014 р. - Суми: Сумський державний університет, 2014. - Ч.1. – С. 64-68.